

ЗАБАЛКАНСКІЙ ПОХОДЪ ПЕРЕДОВАГО ОТРЯДА

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО.

Въ іюнь и іюль 1877 года.

(Изъ сообщеній 20-го апрѣля и 7-го мая 1887 года, бывшаго начальника штаба Эски-загринскаго отряда).

Съ 12-го апрѣля 1887 года наша армія вступаетъ въ періодъ десятилѣтняго юбилея послѣдней войны съ Турціею. Послѣдовательно, день за днемъ, будутъ всплывать воспоминанія о цѣломъ рядѣ свѣтлыхъ и мрачныхъ дней, и въ числѣ прочихъ о *шестимѣсячномъ походѣ передоваго отряда*, какъ и вся кампанія, имѣющая и свою свѣтлую, и свою темную половины. — Первая половина обнимаетъ собою періодъ времени съ 21-го іюня по 7-е іюля (18 дней), въ теченіе коего отрядъ силою въ 6,500 человекъ (4½ бат., 25¼ эск. 18 кон. ор.) дѣлаетъ до 200 верстъ, операціоннаго пути, въ томъ числѣ свыше 50 верстъ перехода черезъ Балканы, имѣетъ семь побѣдоносныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ и съ потерею около 300 человекъ (въ томъ числѣ свыше половины на одну неудачную атаку Шишки), захватываетъ цѣлый участокъ Балкана съ его выходами въ долину Тунджи — его лучшимъ проходомъ. Вторая половина тянется болѣе трехъ недѣль, въ теченіе коихъ отрядъ силою до 12,000 чел. (14½ бат., 25 эск. 38 орудій) дѣлаетъ свыше 200 верстъ, изъ коихъ до 100 верстъ отступательнаго пути, въ томъ числѣ до 65 верстъ черезъ Караджа-Дагъ и Балканъ, имѣетъ пять встрѣчъ съ противникомъ, въ томъ числѣ двѣ побѣдоносныхъ на полѣ сраженія, и теряетъ свыше 1,000 человекъ; неудачный походъ второй половины завершается потерею выходовъ изъ Балканъ, да и обладаніе переваломъ въслѣдствіи закрѣпляется только еще новыми потоками крови и страшными потерями въ августѣ.

Тяжелое чувство сознанія нашихъ неудачъ вообще, естественно, вызывало вопросъ о причинахъ неустойки, и ихъ открылось много: и

турецкая—то вооруженная сила оказалась болѣе многочисленнѣе, чѣмъ предвидѣлось, и жизненная сила Турціи для отпора оказалась болѣе энергичною, чѣмъ оцѣнивалась, и—какъ послѣдствіе неправильной оцѣнки силъ и средствъ врага—недостаточность силъ, выставленныхъ нами для борьбы, и вооруженіе-то турокъ оказалось лучше нашего, и ужасная массовая стрѣльба, и замѣчательное искусство въ эксплуатаціи окопнаго дѣла турецкою тактикою, и даже, якобы, вдругъ оказавшееся стратегическое искусство, будто-бы проявленное турецкими пашами. Такъ, впрочемъ совершенно естественно, причины неустойки, главнымъ образомъ, были открыты у непріятели, и только кое-что изъ присущаго намъ самимъ отводилось къ циклу причинъ неудачъ.

Походъ передоваго отряда, самъ по себѣ и по богатству матеріала для изученія его, можетъ дать рельефное выясненіе совершенно иныхъ причинъ нашихъ неудачъ, и именно присущихъ намъ самимъ, а слѣдовательно подлежащихъ исправленію.

Процессъ Сулеймана-паши даетъ обильныя данныя для сопоставленія обѣихъ сторонъ во вторую половину похода, и тогда-то, безъ всякаго насилованія мысли, открываются дѣйствительныя причины нашей неустойки: уже конечно не стратегическое искусство Сулеймана (на самомъ дѣлѣ лучшаго турецкаго паши), имѣвшаго въ распоряженіи до 40,000 человекъ противъ нашего 12,000-наго отряда и два раза давашаго себя побить, вынудило насъ бросить долину Марицы и Тунджи, — ужъ конечно не турецкая стрѣльба изъ ружей Пибоди-Мартини, которыя были получены солдатами Сулеймана за семь-восемь дней до столкновенія съ нами, и, конечно, не замѣчательное будто-бы искусство въ окопномъ дѣлѣ турокъ прервали побѣдную эпопею передоваго отряда. Генераль Гурко съ его сподвижниками передоваго отряда справился бы со всеѣмъ этимъ, какъ справлялся въ первую половину, но оказалось, что силы и средства отряда были въ несоотвѣтствіи съ цѣлью, и эта-то основная причина неустойки операціи передоваго отряда, какъ и вообще всей войны, отражалась и въ частностяхъ, и въ группировкѣ силъ, и въ отдѣльныхъ задачахъ, представлявшихся той или другой группѣ. Она гнетомъ лежала на всеѣмъ и неминуемо привела къ тому, что всеѣ успѣхи первой половины похода были погребены подъ неудачами второй половины похода.

Въ дѣятельности передоваго отряда можно рѣзко различить три періода: первый, когда отрядъ работалъ какъ развѣдывательное орудіе; второй—работа отряда, вполне подобная американскому рейду, сводившаяся къ внезапному захвату цѣлой линіи, работа партизанскаго отряда,—и третій, обнимающій борьбу отряда съ арміею Сулеймана-паши.

Была-ли заранѣе *подготовлена во всѣхъ отношеніяхъ предстоявшая задача и выполненіе ея?* Уже во время сбора арміи въ Бесарабіи пошли толки и пророчества о томъ, что въ будущей кампаніи предвидится употребленіе конницы въ широкихъ размѣрахъ:—предвѣщались рейды, набѣги, дальнія вторженія, и были нѣкоторые отрывочные факты, подтверждавшіе эти догадки. Даже была сформирована особая дивизія изъ кавказскихъ и донскихъ казачьихъ полковъ, скоро получившая оригинальную кличку—*гулевая дивизія*, весьма характерною по предстоявшему употребленію ея. Блистательная Систовская переправа открываетъ путь за Дунай. Сейчасъ бы, казалось, и начать работу эту гулевою дивизіею; но, въ этотъ то моментъ, вдругъ слѣдуетъ расформированіе гулевой дивизіи и, 18-го іюня, на развалинахъ ея создается *передовой отрядъ*. Для послѣдняго, кромѣ бригадъ, составлявшихъ гулевою дивизію, были взяты полки и конныя батареи изъ двухъ регулярныхъ дивизій; затѣмъ эти полки разныхъ дивизій сведены въ бригады, ввѣренныя начальствованію вновь назначенныхъ командировъ. Четыре конныя бригады были соединены съ стрѣлковою бригадою и съ недавно сформированнымъ болгарскимъ ополченіемъ;— все это подъ названіемъ передоваго отряда было ввѣрено начальствованію генерала, еще не прибывшаго на театръ войны. Но очевидный экспромтъ и импровизація въ созданіи отряда не остановились на этомъ: черезъ три дня по сформированіи, изъ передоваго отряда изымается четвертая часть конницы—вся Кавказская бригада. Успѣхи первой половины похода генерала Гурко тоже какъ бы превзошли ожиданія и расчеты, чему очевиднымъ свидѣтельствомъ служить и колебаніе относительно дальнѣйшихъ назначеній и задачъ отряда, послѣ захвата Шипки, и позднее разрѣшеніе на походъ за Балканы, и запоздалое подкрѣпленіе этого отряда.

Въ то время, какъ конныя бригады передоваго отряда, въ исполненіе задачи освѣщенія, своими разъѣздами и сами додвигаются до предгорій Балкана, Кавказская бригада особымъ маршрутомъ—ропписаніемъ направляется къ западу—къ сторонѣ Никополя и Плевны. Но это рописаніе на цѣлые пять дней дѣятельности (съ 21-го по 24-е) ограничивается только указаніемъ этаповъ для бригады, доводя ее до р. Осмы и указаніемъ послѣдовательнаго подчиненія то начальнику 35-й пѣх. дивизіи, то командиру IX корпуса. Задачи же и назначеніе этой бригады оставались неизвѣстными и для бригаднаго командира ея, и для передоваго отряда, въ составъ коего она входила нѣсколько дней тому назадъ. Такое положеніе Кавказской бригады ведетъ къ цѣлому ряду недоразумѣній, имѣющихъ прямымъ послѣдствіемъ без-

препятственное занятіе Плевны турецкимъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія, почти на глазахъ Кавказской бригады, находившейся въ теченіе трехъ-четырехъ дней, въ разстояніи 35-ти верстъ отъ этого пункта. Командиръ бригады, ожидая указаній сначала отъ начальника 35-й пѣх. дивизіи, потомъ отъ командира IX корпуса, считая себя не вправѣ продвигаться далѣе указанной линіи р. Осмы, и, наконецъ, убѣжденный въ томъ, что его силы (12 сот., шесть орудій) недостаточны для «прочнаго занятія» Плевны, все время оставаясь на р. Осмѣ, ограничивался высылкой развѣдывательныхъ крупныхъ партій, совершавшихъ ежедневно круговые обѣги значительныхъ раіоновъ,—но ни разу не дошедшихъ ни до Никополя, ни до Плевны, ни до Ловчи.

Разборъ дѣйствій Кавказской бригады и мотивовъ командира ея, изложенныхъ въ извѣстномъ трудѣ его (Походный дневникъ Кавказской бригады Полковника Тутолмина) послужилъ основаніемъ для слѣдующихъ выводовъ: 1) Предметомъ освѣщенія и непрерывнаго наблюденія для конницы, высланной передъ армію, должны быть только узлы путей, главнѣйшіе пути, переправы и переходы черезъ преграды, выходы изъ лѣсовъ, болотъ и долинъ всякаго рода, т. е. *такіе пункты и линіи, которые непріятель не можетъ миновать при исполненіи наступательнаго движенія*. Въ данномъ случаѣ подлежалъ постоянному и непрерывному освѣщенію важнѣйшій узелъ путей — *Плевна съ мостомъ на р. Видъ*. Занимая его, Кавказская бригада освѣщала бы пути къ Никополю, Видину, Софіи и Ловчѣ. 2) Только для самоохраненія конница можетъ и должна высылать съѣздовъ *вообще въ пространство*, къ сторонѣ непріятеля, и, во избѣжаніе напраснаго расходованія силъ, *на относительно недалнія разстоянія*. 3) *Начальникъ конницы*, выдвинутой передъ армію, *имѣетъ право и обязанность на широкій починъ въ духъ и въ сущность назначенія таковой конницы*. Предѣлъ удаленія ея или части ея отъ арміи можетъ быть только обусловленъ установленіемъ соприкосновенія съ непріателемъ, а если таковой находится очень далеко, то занятіемъ наивыгоднѣйшихъ позицій, какъ исходныхъ для наблюденія и вообще для службы освѣщенія. Такъ, въ данномъ случаѣ, *Плевна* являлась таковою позиціею, которая и *должна была быть занятаю хотя бы нѣсколькими сотнями*. 4) Вопросъ о «прочномъ занятіи извѣстнаго пункта» для начальника конницы не можетъ имѣть мѣста ни въ какомъ случаѣ. По существу назначенія конницы и ей присущихъ свойствъ, она всегда дѣйствуетъ въ такой обстановкѣ, что занятіе пункта для нея является только *временнымъ*; затѣмъ или она его покинетъ, извлекая всю пользу изъ него, или передастъ его пѣхотѣ и

другимъ войскамъ. 5) То же существо назначеній и свойства конницы почти всегда ставятъ отряды ея въ обстановку, при которой начальнику будутъ представляться многочисленныя минусовыя шансы для успѣха и только очень незначительное число плюсовыхъ. Но рѣшимость начальника и искусныя мѣропріятія его по устройству миража съ цѣлью заставить противника думать, предполагать и, наконецъ, увѣриться въ дѣйствительномъ осуществленіи этой рѣшимости, сведеть на-нѣтъ многочисленное количество минусовыхъ шансовъ, а ничтожныя, повидимому плюсовыя шансы доставятъ успѣхъ. *Удѣлъ конницы бить по воображенію непріятеля.* 6) *Плевна должна и могла быть взята Кавказскою бригадою или ея частью не позже 24-го іюня.* Это вызывалось и существомъ назначенія конницы вообще, выдвинутой передъ армію, и специально стратегическою обстановкою, въ коей находилась бригада, и было бы приведено въ исполненіе безъ особеннаго расходованія силъ и безъ риска. 7) Значеніе такового занятія для послѣдующей работы развѣдыванія было громадно, хотя бы впослѣдствіи бригада должна была, подъ напоромъ сильнаго непріятельскаго отряда, покинуть этотъ пунктъ. Но пока она занимала бы его, все происходившее по ту сторону Вида было бы подъ глазомъ бригады, а это то и было важно. 8) Дѣло конницы—рискованныя предпріятія и задачи; средства успѣха въ нихъ—дерзость до крайности; та же дерзость и лучшая гарантія безопасности рискующей конницы; та же дерзость и оправданіе начальника конницы при неудачѣ и въ случаѣ пораженія отряда. Иллюстраціею къ вышеупомянутымъ выводамъ о дѣятельности конницы да послужитъ цѣлый рядъ эпизодовъ, происшедшихъ 24-го и 25-го іюня на всемъ фронтѣ дѣйствій нашей конницы.

Еще 23-го іюня, полковникъ Нагловскій, исправлявшій должность начальника штаба передоваго отряда, въ запискѣ къ начальнику штаба VIII корпуса, сообщая о томъ, что Тырново занято отрядомъ въ пять-шесть таборовъ съ артилеріей, что тамъ ожидается подкрѣпленіе отъ Османъ-Базара, что Тырново укрѣпляется, полагалъ необходимымъ, для обезпеченія успѣха, атаковать Тырново войсками передоваго отряда и бригадою 8-го корпуса, т. е. въ общемъ—отрядомъ до 14-ти баталіоновъ пѣхоты съ соответственною артилеріею. 25-го же іюня генераль Гурко, руководя усиленную развѣдкою, произведенною отрядомъ изъ девяти эскадроновъ, астраханскаго и казанскаго драгунскихъ полковъ и казачьихъ сотенъ съ шестью орудіями, постепенно надавливая на воображеніе непріятеля, постепенно усиливая призраки, свидѣтельствующіе о рѣшимости его силою заставить турокъ отдать ему тырновскую позицію,—береть эту позицію, хотя и занятую тѣми же силами, которыя,

по мнѣнію полковника Нагловскаго, можно было сломить 14-ю баталіонами! Того же 25-го іюня, корнетъ Плѣшковъ съ 30-ю кіевскими гусарами, зная, что городъ Сельви занятъ ротою жандармовъ, на рысяхъ, съ цѣпью боковыхъ развѣздовъ врывается въ городъ. Пустивъ развѣзды по переулкамъ, самъ, несется въ направленіи телеграфныхъ столбовъ, которые указываютъ ему путь къ телеграфной станціи. Смѣло валетасть на собравшихся на площади жандармовъ и заставляеть ихъ (въ числѣ 150-ти человекъ) положить оружіе. Затѣмъ, приказываетъ старшему этой жандармской команды отвинтить аппараты и собрать всю переписку. Взявъ все это съ собою, онъ удаляется изъ города и благополучно возвращается къ полку. Того же 25-го іюня, есаулъ Афанасьевъ, съ 30—40 донцами 30-го, Орлова, полка, посланный на связь съ кавказцами на многіе десятки верстъ отъ своихъ двигается въ полосѣ, заселенной турецкимъ населеніемъ, разыскивая бригаду на ловче-плевненскомъ шоссе. Не найдя слѣдовъ ея пребыванія, онъ идетъ въ Плевну. Ворвавшись въ этотъ городъ, заставляеть роту низама, бывшую тамъ карауломъ при госпиталѣ раненыхъ, положить оружіе и, затѣмъ, принявъ угощеніе отъ города, удаляется изъ Плевны по шоссе къ Булгарени, у коей, наконецъ, находитъ бивакъ Кавказской бригады, уже два дня находящейся здѣсь въ разстояніи 35-ти верстъ отъ Плевны. 24-го же іюня, Стародубовскій драгунскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Бильдерлинга, даетъ доказательство тому, что значить рѣшимость начальника и искусство мѣропріятій по воздѣйствію на непріятеля извѣстными призраками. Занявъ мостъ на Янтрѣ и городъ Бѣлу, полковникъ Бильдерлингъ рѣшилъ отстоять это дорогое пріобрѣтеніе (по отношенію восточнаго фронта, имѣвшаго во многомъ сходственное значеніе съ Плевною и съ ея мостомъ на Видѣ). 24-го іюня, наступило испытаніе: непріятель двигался отъ Рушукъ; драгуны спѣшились и съ артилеріею заняли позицію. Турки поразвѣдали, посмотрѣли и затѣмъ отступили. Только по окончаніи войны одинъ изъ турецкихъ пашей выяснилъ значеніе происшедшаго 24-го іюня. Дѣло въ томъ, что начальнику турецкаго отряда, высланному изъ Рушукъ, было приказано занять Бѣлу, еслибы она оказалась еще не въ рукахъ русской пѣхоты, и турецкому пашѣ спѣшенные драгуны представились пѣхотою, а потому онъ и отступилъ. Быть можетъ, если-бы Кавказская бригада была въ Плевнѣ и своими винтовками и артилеріею встрѣтила таборы, двигавшіеся для занятія ея, то турецкій паша тоже отказался бы отъ мысли занимать Плевну?!

Второй періодъ похода представляетъ собою образчикъ замѣчательнаго искусства въ сочетаніи всѣхъ мѣропріятій соотвѣтственно цѣли

предпріятія — возможно неожиданнѣе и быстрѣе выйти въ тылъ къ Шипкѣ съ цѣлью захвата перевала. Цѣлый рядъ набѣговъ отъ Тырнова къ востоку поселяетъ у Реуфа-паши, оборонявшаго Балканы на участкѣ отъ Шипки до Сливны, представленіе о стремленіи русскихъ идти къ проходамъ на Сливно; демонстрація отъ Габрова сначала 30-го Донскаго казачьяго полка, а потомъ и Орловскаго пѣхотнаго полка, притягиваютъ вниманіе турокъ къ Шипкинскому перевалу съ сѣвера. Такъ турки ожидаютъ на двухъ оконечностяхъ оборонительной линіи, намѣченной генераломъ Гурко для прорыва въ центрѣ. Преодолевъ гигантскія затрудненія, выходомъ у Хаинкюя, по проходу считавшемуся недоступнымъ, передовой отрядъ разсѣкаетъ турецкій кордонъ въ самомъ слабомъ мѣстѣ, и баталіоны 4-й стрѣлковой бригады прогоняютъ слабый турецкій оборонительный постъ. Нужно было еще два-три дня убавкивать турокъ въ ихъ представленіи, и для этого опять указываются два набѣга къ востоку и къ Ени-Загрѣ, гдѣ пребываетъ Реуфъ съ резервомъ. Казанскій драгунскій полкъ дѣломъ у Оресари и дивизионъ донцовъ, подъ начальствомъ ротмистра Мартынова, перерывомъ телеграфа подъ Ени-Загрой, лихо выполняютъ демонстративныя задачи. Подъ покровительствомъ этихъ демонстрацій къ востоку и къ югу, генералъ Гурко ведетъ отрядъ на западъ; бьетъ три раза по частямъ подставляющіеся ему оборонительные отряды турокъ, не успѣвающіе ни разу собраться въ числѣ болѣе двухъ таборовъ—противъ нашихъ 4^{1/2} баталіоновъ, 20-ти эскадроновъ, 18-ти конныхъ орудій, и 5-го числа появляется подъ Шипкой. Во всѣхъ дѣлахъ мы видимъ примѣненіе основныхъ принциповъ тактическаго искусства: вездѣ является рѣшительное превосходство въ силахъ, всюду эксплуатируется элементъ внезапности, всегда всѣ роды оружія дѣйствуютъ согласованно и въ духъ свойствъ cadaго изъ нихъ: стрѣлки 4-й бригады генерала Цвѣцинскаго и конная артилерія съ фронта, конница герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго и конная батарея Ореуса въ отхватъ путей отступленія; результатомъ послѣдняго оказывается то, что ни одинъ турецкій отрядъ, преграждавшій намъ путь, не попадаетъ на путь отступленія, а разбитый разсѣивается по горамъ. 5-го іюля, послѣ полудня, Казанлыкъ въ рукахъ отряда. До Шипки остается еще 12 верстъ, но стрѣлки и конница, послѣ перевала черезъ Балканы, двухдневнаго марша въ тропической жарѣ съ рядомъ боевъ, утомлены до крайности. Но вотъ конница, послѣ передышки у Казанлыка, ведомая своимъ начальникомъ герцогомъ Николаемъ Максимилиановичемъ Лейхтенбергскимъ, несется къ виднѣющейся вдали, въ высяхъ облаковъ, горѣ Св. Николая: скоро кіевскіе гусары полковника барона Корфа за-

хватываютъ лагерь, а астраханскіе драгуны полковника Мацилевича врываются въ Шипку и на улицахъ этого селенія перехватываютъ транспортъ съ галетами, поднимавшійся на переваль Св. Николая, гдѣ утѣдился гарнизонъ Хулуси-паши въ сильно укрѣпленной позиціи. Двѣ атаки позиціи турокъ съ сѣвера орловцами 5-го и съ юга стрѣлками 6-го іюля отражены съ значительными потерями для насъ,—но, не смотря на это, турки бѣжали. Конечно, не паника одна, яко-бы посѣянная нашими побѣдами подъ Уфлани, Маглишомъ и Казанлыкомъ, атаками 5-го и 6-го іюля, вынудила Хулуси-пашу покинуть свою сильную позицію: турецкій гарнизонъ ко времени нашего подхода къ Шипкѣ имѣлъ всего трехдневный рационъ и, опоздай наша конница на полчаса,—100-повозочный транспортъ съ галетами поднялся бы на гору Св. Николая, и тогда турки имѣли бы при себѣ довольствіе, по меньшей мѣрѣ, недѣли на двѣ. Въ всякаго сомнѣнія, обеспеченный въ довольствіи, отрядъ Хулуси-паши, превосходя числомъ и габровскій отрядъ, и передовой отрядъ, каждый въ отдѣльности,—смогъ бы отстоять позицію до 20 іюля, т. е., какъ извѣстно, до прибытія арміи Сулеймана. Вѣдь это была та самая позиція, которую въ августѣ мы отстояли съ нѣсколькими десятками ротъ противъ 50-ти-таборной арміи Сулеймана-паши!!! Этотъ эпизодъ, независимо своего стратегическаго значенія, въ высшей степени многознаменателенъ въ отношеніи употребленія и дѣятельности конницы вообще, рельефно собою подтверждаетъ, что для полезной работы конницы каждая минута дорога: запоздай конница передоваго отряда къ Шипкѣ *на полчаса*—вся операція рейда генерала Гурко могла бы оказаться ударомъ въ пустую, а передовой отрядъ, особенно послѣ неудачной атаки 6-го іюля, оказывался бы въ критическомъ положеніи. Но, душа всего рейда за Балканы, вождь отряда сумѣлъ сообщить и частнымъ исполнителямъ стремленіе къ одной цѣли, въ свою очередь, какъ по нотамъ, своевременно и умѣстно приводившимъ въ движеніе и въ работу разныя орудія, входившія въ составъ отряда.

Такъ гармонично все работало въ передовомъ отрядѣ и въ стратегическомъ и въ тактическомъ отношеніяхъ, въ періодъ набѣга или рейда до взятія Шипки, до завершения похода, согласно первому опредѣленному указанію:—занять перевалы и часть Балкановъ. И результатомъ дѣйствій отряда въ 6,000—9,000 человекъ (считая болгарское ополченіе и Орловскій пѣхотный полкъ) въ борьбѣ съ 30-ю таборами арміи Реуфа—въ 18,000 человекъ, дѣйствій партизанскаго характера, рассчитанныхъ на внезапность, быстроту и ловкость, а не на прямыя столкновенія—явилась стратегическая побѣда первостепенной важности: почти безъ потерь была приобрѣтена исходная позиція для

вторженія арміи за Балканы, позиція-заслонъ для обезпеченія операцій арміи между Балканами и Дунаемъ, позиція, разъединявшая три главныя группы турецкихъ войскъ; независимо этого, среди турецкихъ властей и населенія посѣяна паника. Наступалъ чередъ выполненія другой половины цѣли, указанной отряду, — прикрыть производство работъ по устройству и улучшенію путей черезъ захваченные перевалы.

Но начальникъ отряда, съ бивака у Войнешти 1-го іюля, еще не доходя Хаинкѳйскаго перевала, въ прозрѣніе будущаго впечатлѣнія на турокъ нашего внезапнаго для нихъ вторженія за Балканы, уже писалъ Великому Князю Главнокомандующему о томъ, что было бы грѣшно не воспользоваться нашимъ успѣхомъ, и указывалъ необходимость и возможность, по занятіи проходовъ войсками 8-го корпуса, распространить операціи передоваго отряда до Филипополя и Германлы, въ долину Марицы. Съ 8-го іюля по 16-е іюля непрерывныя и настойчивыя представленія генерала Гурко о разрѣшеніи передовому отряду, усиленному бригадою пѣхоты, продолжить работу, долго встрѣчавшій отказъ со стороны главной квартиры, частью обусловленный первымъ плевненскимъ предостереженіемъ, затѣмъ, 16-го іюля, получаютъ утвержденіе. Въ этотъ день начальникъ передоваго отряда получилъ роковую *carte blanche*: Великій Князь Главнокомандующій, одобривъ всѣ соображенія генерала Гурко и усиливъ его отрядъ бригадою 9-й пѣхотной дивизіи, предоставилъ передовому отряду *полную свободу дѣйствій*.

Наличныя свѣдѣнія о непріятелѣ, несомнѣнные слѣды паники, царившей среди властей и турецкаго населенія, и безспорно высокій моральный подъемъ духа самаго передоваго отряда рядомъ успѣховъ, — все это обусловливало законность стремленія идти впередъ и даже мѣтить по пути къ Адрианополю; но все это являлось дѣломъ соотвѣтственнымъ только до 12-го—14-го іюля. Въ всякаго сомнѣнія, что, еслибы 12-го іюля, въ день производства набѣговъ нашей конницы на желѣзныя дороги, или даже 14-го іюля, нашъ отрядъ могъ бы быть у Трнова-Сейменли въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ, то новые успѣхи были бы опять за нами. Удару нашего отряда подставились бы первые эшелоны арміи Сулеймана, подъѣзжавшіе по желѣзной дорогѣ, и, по меньшей мѣрѣ, результатомъ нашего рейда было бы—отрѣзаніе ени-загринскаго отряда Реуфа отъ базы и отдаленіе мѣста и времени сосредоточенія арміи Сулеймана-паши до Адрианополя, т. е. на 250 верстъ слишкомъ отъ нашихъ позицій на Балканахъ. Но въ указанный промежутокъ времени не получалось ни разрѣшенія для такого продолженія наступательныхъ дѣйствій, ни просимыхъ подкрѣпленій, — а между тѣмъ предпринимался рядъ мѣропріятій какъ будто въ видахъ обороны и развѣдыванія, но,

на самомъ дѣлѣ, по духу и по внутреннему смыслу отвѣчавшій именно наступательному образу дѣйствій. Такъ была занята Ески-Загра отрядомъ изъ четырехъ дружинъ и 15-ти эскадроновъ конницы, что повело къ разброскѣ силъ и безъ того слабого отряда; такъ былъ произведенъ налетъ конницею на желѣзныя дороги; относительно близкое присутствіе собиравшихся турецкихъ войскъ вызвало цѣлый рядъ форсированныхъ развѣдокъ конницы, и безъ того уже крайне утомленной. Если въ первой половинѣ похода всѣ частныя задачи и цѣли такъ были просты и гармоничны съ одною цѣлью, проходившею красною ниткою черезъ все предпріятіе, если задуманное, предположенное и начавшее исполняться 25-го—26-го іюня продолжалось безъ всякихъ колебаній вплоть до 6-го—7-го іюля,—то во второй половинѣ, наоборотъ, во всемъ можно отмѣтить не мало слѣдовъ колебанія, безпрерывныя перемѣны и недоразумѣнія. Такъ, подавляюще дѣйствовало то обстоятельство, что въ задуманномъ и предположенномъ была работа не по силамъ передовому отряду, что средства его далеко не были сообразны цѣли предпріятія. Такъ, въ періодъ какой нибудь недѣли самый планъ подвергся слѣдующимъ измѣненіямъ: 1) Сначала, какъ уже было сказано, предполагалось только съ силами передоваго отряда идти на Филиппополь, Германлы. 2) Потомъ, при условіи подрѣзленія отряда только бригадою конницы и одною батареею, полагалось возможнымъ продвигаться по пути къ Адрианополу. 3) Затѣмъ, при условіи подрѣзленія отряда бригадою пѣхоты, считалось сообразнымъ занять Ески-Загру и Ени-Загру. 4) Потомъ была покинута мысль о занятіи Ески-Загры и весьма убѣдительно доказывалась необходимость сосредоточенія силъ въ Ени-Загрѣ,—для чего нужно было сначала взять ее. Позиція у Ески-Загры, еще недавно признанная отличною въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ, оказывалась далеко уступающею ени-загринской,—которая могла служить исходною для нападенія на флангъ арміи Сулеймана, еслибы та двинулась черезъ Ески-Загру къ Шипкѣ, и въ то же время для операцій въ тылъ противъ желѣзныхъ дорогъ и базы турокъ; наконецъ, съ ески-загринской позиціи былъ болѣе удобный путь отступленія черезъ Караджа-дагъ къ Хаинкію, чѣмъ съ ески-загринской позиціи къ Шипкѣ. 5) Наконецъ, когда уже было получено разрѣшеніе и дано просимое подрѣзленіе, все предстоящее наступательное предпріятіе было обращено въ простую усиленную развѣдку Ески-Загры всѣми силами отряда. Но и это оказалось вовсе не тѣмъ: отряду пришлось не только произвести усиленную развѣдку, а выдержать борьбу съ цѣлою турецкою арміею.

Всѣ частности исполненія предпріятія тоже носятъ совершенно дру-

гой характеръ, чѣмъ то было въ первую половину: все является и оказывается очень сложнымъ и искусственнымъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы всею конницею въ числѣ 15-ти эскадроновъ съ батареею произвести набѣгъ въ одну точку, на узелъ желѣзныхъ дорогъ Трново-Сейменли, 12-го іюля за многіе десятки верстъ отъ предмета нападенія высылаются три равносильныя конныя бригады, направленныя отъ Ески-Загры, какъ бы по радіусамъ отъ центра. Результатомъ такой организаціи предпріятія является относительно ничтожное поврежденіе дорогъ во второстепенныхъ участкахъ. Затѣмъ, 17-го числа, къ Ени-Загрѣ отрядъ двинулся тремя почти равносильными колоннами, раздѣленными разстояніями на десятки верстъ и первоклассною горною преградю, при условіи крайне труднаго поддержанія взаимной связи. Этимъ колоннамъ, какъ бы на одностороннемъ маневрѣ, за два дня впередъ предопредѣляется, что и когда дѣлать,—точно непріятель не могъ существенно измѣнить условія обстановки! Всѣмъ колоннамъ указывается пунктомъ соединенія поле сраженія у Ени-Загры, завѣдомо занятой отрядомъ не менѣе шести-восьми баталіоновъ, т. е. превосходящимъ каждую изъ колоннъ въ отдѣльности. Еслибы все было исполнено какъ предположено, 18-го іюля, у Ени-Загры сосредоточилось бы до 13-ти баталіоновъ, 18-ти эскадроновъ и 18-ти орудій противъ 12-ти—15-ти таборовъ Реуфа-паша, судя по извѣстнымъ нынѣ матеріаламъ, и нѣтъ сомнѣнія, что побѣда генерала Гурко была бы обезпечена. Но для этого, прежде всего, было необходимо *обезпечить безпрятственное сосредоточеніе всѣхъ силъ передоваго отряда до атаки Ени Загры*, для чего была полная возможность—сначала покинуть Ески-Загру и притянуть отрядъ тамъ стоявшій въ долину Тунджи. На это, однако, не рѣшились. А между тѣмъ, одновременно съ переходомъ въ наступленіе передоваго отряда, Сулейманъ-паша, побуждаемый Портою, тоже переходитъ въ наступленіе тремя колоннами, предполагая 17-го сосредоточить 60 таборовъ съ нѣсколькими тысячами черкесовъ на р. Сюйгле, верстахъ въ 10-ти — 15-ти отъ Ески-Загры, а 18-го атаковать послѣднюю всѣми силами. Такъ, обѣ стороны одновременно направлялись противъ правыхъ оконечностей стратегическаго фронта, и каждая выходила на путь отступленія непріятеля и на его путь соединенія съ базой: Сулейманъ-паша — на путь Ески-Загра — Казанлыкъ — Шипку; генераль Гурко — на путь Ени-Загра — Трново-Сейменли.

Но въ то время, какъ генераль Гурко выводилъ свой отрядъ на дѣйствительный путь отступленія турокъ,—Сулейманъ, въ виду искусной и своевременной перемѣны пути къ Шипкѣ на новый путь къ Ханкюю, собственно билъ въ пустюю. Впрочемъ, главною причиною

его наступленія къ Ески-Загрѣ было, какъ оказывается, ложное убѣжденіе въ присутствіи главной массы—до 15,000—20,000 русскихъ въ этомъ городѣ.

Самовольное уклоненіе Реуфа отъ приказанія главнокомандующаго, выразившееся въ томъ, что онъ повелъ свою дивизію, изъ 12-ти таборовъ пѣхоты съ артилерією и до 3,000 черкесовъ (9,000—10,000 человекъ) прямо по шоссе къ Ески-Загрѣ, приводитъ къ тому, что 17-го подъ вечеръ ески-загринскій отрядъ герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго (четыре дружины, 14 эскадроновъ, 10 орудій—около 3,500) столкнулся съ турками на половинѣ пути между Ени-Загрою и Ески-Загрою. Результатомъ столкновенія было взаимное прегражденіе пути, и ночь на 18-е обѣ стороны провели на бивакахъ въ разстояніи двухъ-трехъ верстъ одна отъ другой. Тѣмъ временемъ прочія двѣ колонны, слѣдовавшія въ долину Тунджи, не имѣя противъ себя непріятеля, дошли по назначенію.

18-го іюля, у Ени-Загры, двѣ наши колонны, въ составѣ 9¹/₂ бат. пѣхоты, съ 8¹/₂ часовъ утра и до 2-хъ часовъ дня, ведутъ бой съ сильно укрѣпившимся турецкимъ отрядомъ изъ трехъ таборовъ пѣхоты и наконецъ разбиваютъ турокъ, а послѣ того преслѣдуютъ въ восточномъ направленіи. Столь продолжительный бой, при тройномъ превосходствѣ надъ противникомъ, а затѣмъ неумѣстное преслѣдованіе и притомъ въ направленіи, отвлекающемъ отъ соединенія съ ески-загринскимъ отрядомъ ведетъ къ напрасному утомленію, расходу силъ и къ потерѣ времени. Ни 17-го, ни до вечера 18-го между ески-загринскимъ отрядомъ и колоннами, надвигавшимся къ Ески-Загрѣ, связи не было, т. е. хотя и посылалось нѣсколько донесеній, но, по кружности почтовой связи, они дошли по назначенію слишкомъ поздно. Но, какъ бы то ни было, для генерала Гурко было несомнѣнно, что ески-загринскій отрядъ, вѣроятно, или атакованъ непріятелемъ, или встрѣченъ противникомъ, заградившимъ дорогу къ Ески-Загрѣ. Это новое условіе обстановки побуждаетъ обратиться къ новому (по счету шестому) плану дѣйствія: уже владѣя ески-загринскою позицією, тою исходною для дѣйствій въ тылъ пртивника, выгоды которой выставлялись еще недавно, отказываются отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ и рѣшаются идти на помощь къ ески-загринскому отряду, еще не зная, насколько эта помощь можетъ быть своевременна и дѣйствительна. Ни одного казака изъ 3¹/₂ сотенъ не было выслано вдоль желѣзной дороги въ тылъ турокъ къ Трнову-Сейменли, и весь отрядъ, эшелонированный въ трехъ группахъ по шоссе къ Ески-Загрѣ, на разстояніи 16 верстъ, ночуетъ на 19-е число, готовый выступить съ разсвѣтомъ; обѣ

этомъ извѣщается ески-загринскій отрядъ, которому и приказано держаться до крайности. Такимъ образомъ, еще въ этотъ моментъ, повидимому, признавалось необходимымъ и удержаніе за собою Ески-Загры! А между тѣмъ, не въ духѣ ли основной цѣли перехода въ наступленіе было бы, напротивъ, пользуясь открытымъ сообщеніемъ между отрядами, 18-го вечеромъ приказать пѣхотѣ ески-загринскаго отряда съ боемъ отступать на переваль Караджа-дагъ, а всей конницѣ прибыть къ бивакамъ у Ени-Загры, а отсюда выпустить ее вдоль желѣзной дороги къ базѣ турокъ, на Трново-Сейменли?

Между тѣмъ, Сулейманъ-паша 17-го іюля, потревоженный появленіемъ кievскихъ гусаръ, съ мѣста выступленія ведетъ всю армію въ порядкѣ близкомъ къ боевому, ожидая каждую минуту встрѣчи съ нами, а потому и дѣлаетъ 17-го только 12—15 верстъ, вмѣсто предположенныхъ 25-ти; но авангардъ его, а также и третья колонна, успѣваютъ приблизиться къ р. Сюитлѣ. Переходъ въ наступленіе арміи Сулеймана-паши, появленіе его передовыхъ войскъ въ 10—12 верстахъ отъ Ески-Загры и прегражденіе пути отъ Ески-Загры къ Ени-Загрѣ Реуфомъ пашею, ставятъ къ ночи на 18-е іюля ески-загринскій отрядъ въ 3500 человекъ въ крайне критическое положеніе: одинъ отрядъ турокъ преграждалъ путь для соединенія съ прочими колоннами, а другой турецкій отрядъ оказывался ближе къ единственному пути отступленія къ Ески-Загрѣ, чѣмъ былъ ески-загринскій отрядъ отъ этого города. По обсужденіи положенія на военномъ совѣтѣ было принято слѣдующее рѣшеніе: конницею отряда оказать посильное содѣйствіе прочимъ колоннамъ, на завтра имѣющимъ атаковать Ени-Загру, недопущеніемъ Реуфа идти на помощь къ этому городу, а болгарскимъ ополченіемъ защищать Ески-Загру отъ наступающаго непріятеля съ юга. Въ исполненіе этой задачи конницею и прошелъ день 18-го іюля: 12 эскадроновъ (астраханцевъ, казанцевъ и кievцевъ), двѣ донскія сотни и шесть орудій 16-й конной батареи Ореуса, всего силою до 1,100 боевыхъ коней, съ шести часовъ утра, до трехъ часовъ дня развернувшись на фронтѣ свыше трехъ верстъ, или сдерживали 10,000-ную дивизію Реуфа (въ томъ числѣ до 3000 черкесовъ), когда она наступала, или напирала на нее, когда она, повидимому, отходила съ цѣлью идти на выручку Ени-Загры. Особенную помощь и содѣйствіе при этомъ оказалъ правый уступъ дивизіона казанскихъ драгунъ съ двумя конными орудіями Усова, подъ общимъ начальствомъ полковника Бѣлогрудова—охватомъ непріятельскаго фланга и затѣмъ продольнымъ обстрѣливаніемъ непріятельскаго боеваго порядка. Къ вечеру 18-го іюля, Реуфъ перешелъ на ночлегъ въ Джуранли, а кон-

ница ески-загринскаго отряда отошла на общій бивакъ съ болгарскимъ ополченіемъ къ Айденли. Къ вечеру же этого дня, Сулейманъ-паша съ 50-ю таборами прибылъ на бивакъ у Сюитле-дере; но хотя обѣ массы турокъ ночевали въ 10—12 верстахъ одна отъ другой, онѣ не возобновили связи ни вчера, ни въ этотъ день, ни 19-го іюля, какъ увидимъ, и это было сдѣлано нашей конницей: 17-го—эскадрономъ кievцевъ, 18-го—уступомъ Бѣлогрудова и сильными партіями, развѣдывавшими въ разрѣзъ между обѣими массами (1).

19-го іюля, Сулейманъ атаковалъ ески-загринскій отрядъ, и въ 8 часовъ утра началась сказочная борьба 3500 противъ 50 таборовъ—25,000—30,000 человѣкъ! Послѣ семи часовъ боя турки раздавили горсть защитниковъ, не смотря на весь героизмъ дружинниковъ и ихъ доблестныхъ начальниковъ—Калитина, Ѳедорова, Живарева, Нищенко, Куртьянова, Попова, Кесьякова, Депперадовича, Толстаго, Столѣтова, горной батареей Константинова и многихъ, многихъ другихъ. Какъ отставался отрядъ лучшее свидѣтельство тому, что уже въ 1879 г. на процессѣ Сулейманъ и его сподвижники были увѣрены, что они дрались съ цѣлымъ русскимъ корпусомъ въ 15—20 тысячъ человѣкъ. Около часа дня остатки ополченія отступили изъ Ески-Загры, въ то время, когда конница съ конною артилеріею понеслась на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко, который съ 8—9 часовъ утра тоже вступилъ въ дѣло съ Реуфомъ-пашею подъ Джуранли.

Какъ и предполагалось, утромъ, 19-го іюля, первый эшелонъ отряда, бригада пѣхоты генерала Борейши, двинулась по шоссе къ Ески-Загрѣ, но вскорѣ вмѣсто того, чтобы идти на помощь къ Ески-Загрѣ, свернула къ югу для атаки непріятеля, занимавшаго позицію въ Джуранлійскомъ лѣсу (2): пяти-баталіонная бригада, все болѣе и болѣе вовлекаясь въ бой, все болѣе и болѣе забирая *въ охватъ непріятельскаго праваго фланга* (т. е. совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ слѣдовало, если имѣлась въ виду цѣль — движенія на помощь къ ески-загринскому отряду), — эта бригада была не только отражена 12-ю-таборною дивизіей Реуфа, но даже турки перешли въ рѣшительное наступленіе, и былъ моментъ крайне критическій для насъ,

(1) Показанія многихъ на процессѣ Сулеймана-паши свидѣлствуютъ о томъ, что посланные для связи натянулись на русскую конницу и возвращались обратно. Реуфъ и другіе его сотоварищи въ теченіе 18-го іюля все воображали, что они имѣютъ дѣло съ сильнымъ отрядомъ, тогда какъ была всего одна конница и въ 1,100 человѣкъ! Въ этомъ новое подтвержденіе, что ни одинъ родъ оружія не способенъ на такое возбужденіе призраковъ и миражей, какъ конница.

(2) Такъ опять произошло новое отклоненіе отъ предполагаемаго, по счету седьмое.

когда, для развитія успѣха перехода въ наступленіе пѣхоты, 3,000 черкесовъ готовились охватить правый флангъ бригады и отрѣзать ее отъ шоссе. Но помощь бригадѣ подоспѣла съ двухъ сторонъ: съ фронта прибывшая стрѣлковая бригада и головными баталіонами врѣзалась въ кучу беспорядочно наступавшихъ турокъ, а со стороны Ески-Загры бригада нашей конницы заставила черкесовъ, въ опасеніи за свой тылъ, бросить мысль объ атакѣ и обратить свое вниманіе противъ нашей конницы; это привело къ двумъ атакамъ черкесовъ, отбитымъ картечью конной батареей полковника Ореуса и астраханскими драгунами. Вступившая въ дѣло стрѣлковая бригада опрокидываетъ турокъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Елецкимъ и Сѣвскимъ полками, врывается въ лѣсъ и гонитъ турокъ. Это преслѣдованіе въ лѣсу вырываетъ войска изъ рукъ начальниковъ, и генераль Гурко, около 3-хъ—4-хъ часовъ дня, только съ однимъ баталіономъ стрѣлковъ и гусарскимъ полкомъ съ батареею, наступаетъ къ Ески-Загрѣ; но тамъ, на позиціяхъ, уже стоитъ армія Сулеймана-паши. 20-го іюля, передовой отрядъ начинаетъ отступленіе черезъ Дальбокскій переваль, отказавшись отъ пути отступленія на Ени-Загру. Вновь избранный путь былъ невозможнымъ по условіямъ доступности и проходимости (12 верстъ было пройдено почти въ 48 часовъ!), и только русскій человекъ въ силахъ былъ преодолѣть эту преграду, да и то при крайне благопріятномъ условіи—*совершенномаго бездѣйствія турокъ, стоявшихъ въ разстояніи 10-ти верстъ отъ Дальбока*. Предпочтеніе этого пути ени-загринскому опять являлось новымъ уклоненіемъ (по счету восьмымъ) отъ намѣченныхъ основаній для дѣйствій отряда. Ени-загринская позиція покидалась въ тотъ моментъ, когда, повидимому, создавалась благопріятная обстановка для эксплуатаціи ея. Въ всякаго сомнѣнія, отступивъ на Ени-Загру, передовой отрядъ и самъ, и своею конницею неминуемо оказали бы существенное давленіе на послѣдующія дѣйствія Сулеймана-паши, который былъ бы вынужденъ, послѣ побѣды подъ Ески-Загрой, либо отступить къ базѣ, либо обратиться противъ отступавшихъ на Ени-Загру. Главная, видимая, причина, побудившая отрядъ отступить, заключалась въ томъ, что въ отрядѣ ощущался недостатокъ патроновъ и снарядовъ, конечно, не могла быть уважительною причиною для отказа отъ пути отступленія на Ени-Загру. Если-бы Сулейманъ-паша энергично настѣлъ 20-го іюля на насъ, когда мы втягивались на Дальбокскій переваль, онъ вынудилъ бы насъ къ бою въ невозможныхъ условіяхъ и при томъ же недостаткѣ патроновъ и снарядовъ, при какомъ мы дрались бы, отступая на Ени-Загру, если-бы онъ вздумалъ насъ преслѣдовать;—но мы шли бы по отличной дорогѣ, по долинѣ, гдѣ могли задержи-

вать маршъ Сулеймана-паши конницею. Если, наканунѣ, послѣдняя въ числѣ 1,000 коней и шести орудій удерживала цѣлый день 12-ти-таборную дивизию Реуфа съ 3,000-ми черкесовъ, то тѣмъ болѣе можно было сдержать Сулеймана-пашу всему передовому отряду изъ 13-ти баталіоновъ, 18-ти орудій и 1,300 конницы! На самомъ дѣлѣ Сулейманъ-паша не тронулся съ мѣста, отчасти ожидая атаки, а также и потому, что онъ страдалъ тою же болѣзнью, что и мы: у него ощущался недостатокъ патроновъ, снарядовъ и продовольственныхъ запасовъ. Еще новое свидѣтельство военной исторіи—что благо тому, кто сохранить за собою починъ даже, повидимому, въ безвыходномъ критическомъ положеніи: оставаясь вѣрными этому завѣту исторіи и отступи къ Ени-Загрѣ,—мы командовали бы надъ Сулейманомъ-пашей. И до чего былъ послѣдній увѣренъ, что мы именно такъ и поступимъ, свидѣтельствуется поразительный миражъ, имѣвшій мѣсто 20-го іюля, и замѣчательно, въ ряду многихъ аналогичныхъ мѣропріятій и положеній для обѣихъ сторонъ въ этотъ періодъ борьбы одновременно съ тѣмъ, какъ и у насъ царилъ миражъ, хотя и другаго рода.

Утромъ, 20-го іюля, Сулейманъ-паша, Куксонъ, англійскій военный агентъ и ихъ свита напряженно вглядывались вдаль, по направленію шоссе на Ени-Загру и усмотрѣли передвиженія и конницы, и пѣхоты въ направленіи къ этому городу. А тѣмъ временемъ, утомившіеся таборы раскинулись на бивакахъ у горѣвшей и дымившейся Ени-Загры,—турецкое населеніе спѣшно выбиралось изъ города съ своимъ громаднымъ скарбомъ и обозами, устремляясь на югъ къ Марицѣ. Для Сулеймана и его сподвижниковъ, уже знавшихъ о пораженіи Реуфа, наше движеніе къ Ени-Загрѣ становилось несомнѣннымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ бы торопиться выступленіемъ изъ Ески-Загры, но турецкое населеніе умоляло его временно прикрыть эмиграцію изъ города. Не безъ того, конечно, что и недостатокъ текущаго довольствія арміи, да и опасеніе встрѣчи съ нашими войсками послужили для Сулеймана убѣдительными поводами къ выжиданію. Но, на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, никакого отступленія нашихъ силъ на Ени-Загру не было. Что признавалось турками таковымъ, то былъ нашъ арьергардъ, прикрывавшій вытягиваніе войскъ на Дальбокскій перевалъ: астраханскій драгунскій полкъ, частью въ спѣшенномъ, частью въ конномъ строю, маневрировалъ на Ени-загринскомъ шоссе, а немного позади его, въ видѣ репли, временно находился Елецкій пѣхотный полкъ.

Въ то же время, такое же пыливое наблюденіе и разглядываніе къ сторонѣ Ески-Загры происходило и на Дальбокской высотѣ. Мало по малу увеличивавшіеся столбы пыли къ югу отъ Ески-Загры, совсѣмъ

какъ бы отъ войсковыхъ колоннъ, родящъ предположеніе объ отступленіи Сулеймана-паша, и, постепенно, это предположеніе растетъ въ своей убѣдительности, а, наконецъ, созрѣваетъ извѣстное убѣжденіе въ томъ, что результатомъ Ени-Загры—Джуранлійской операціи—была *стратегическая побѣда*, будто-бы одержанная нами надъ Сулейманомъ. Теперь намъ извѣстно то, что собою породило миражъ якобы отступленія турецкаго войска,—то были обозы выселявшагося турецкаго населенія. Такъ, обѣ стороны увѣрвали въ то, чему хотѣлось вѣрить, но что было далеко отъ дѣйствительности: гигантскія усилія тысячей русскихъ людей пробить и проложить себѣ дорогу черезъ дикій и недоступный перевалъ воочію свидѣтельствовали, что мы *отступали*, что мы вынуждены Сулейманомъ бросить страну, такъ радушно насъ встрѣтившую, бросить, и надолго, всѣ наши позиціи въ долинѣ Марицы и Тунджи, а высоко воздымавшіеся къ небу столбы дыма надъ Ески-Загрой и пожарица въ долинѣ Марицы свидѣтельствовали, что дѣйствительный стратегическій побѣдитель приступилъ къ отместкѣ болгарамъ за гостепріимство, намъ оказанное.

Отступление къ Хаинкію, а потомъ и къ Тырнову, по приказанію генерала Радецкаго, завершаетъ шестинедѣльную жизнь передоваго отряда, 29-го іюля расформированнаго.

Стратегическій результатъ второй половины похода заключался въ томъ, что было уничтожено почти все, что пріобрѣтено въ первую половину: мы остались обладателями только перевала, что потребовало, однако, для закрѣпленія новыхъ потоковъ крови въ августовскіе дни; мы отдали туркамъ выходы изъ горъ и въ послѣдствіи, не воспользовавшись пріобрѣтеннымъ, зимою проложили цѣлый рядъ новыхъ путей за Балканы и по нимъ свели арміи въ долину Марицы. Паника, посѣянная среди турокъ, прошла и они даже докучали намъ не разъ энергическими наступленіями, атаками, штурмами или стойкими отпорами. Но такой переворотъ въ положеніи дѣлъ созданъ конечно не Сулейманомъ-пашею и его сподвижниками съ ихъ боязливою и тупою стратегіею, не таборы съ ихъ неуклюжею и грузною тактикой, не ружья Пибоди-Мартини, попавшія въ руки турокъ только за нѣсколько дней до встрѣчи съ нами, не турецкое якобы изъ ряда вонъ искусное самоокапываніе и умѣлое пользованіе мѣстностью. Въ первой половинѣ похода со стороны турокъ все это было: и передовой отрядъ въ 9000 человекъ, вѣриѣ (считая стрѣлковъ и конницу) въ 6,500 человекъ, успѣшно боролся съ 18—20-тысячнымъ корпусомъ Реуфа; во второй половинѣ похода приходилось 12—13-тысячной дивизіи бороться съ 40,000 турокъ; соотвѣтствіе силъ было почти одинаково; стратегія и тактика турокъ

была одна и та же для обѣихъ половинъ похода; гдѣ же причина столь разныхъ результатовъ? Въ томъ, что во второй половинѣ похода—цѣли и задачи отряда оказывались не въ соответствіи и несообразными съ личными средствами и силами: передовой отрядъ изъ партизана роковымъ образомъ и незамѣтно превратился въ самостоятельный корпусъ, на самомъ дѣлѣ оставаясь по существу и по обстановкѣ все тѣмъ же партизаномъ, а по силамъ не болѣе какъ авангардомъ. вмѣсто того, чтобы продолжать работать въ духѣ партизана, какъ это было въ первой половинѣ похода, болѣе рассчитывая на внезапность и на налеты, передовой отрядъ вовлекся въ борьбу съ арміею, такъ сказать, по всемъ правиламъ и въ условіяхъ большой войны—и сложные марши, и одновременное занятіе многихъ пунктовъ, и втягиваніе въ прямые столкновенія съ непріателемъ, и расчеты болѣе на силу, чѣмъ на ловкость,—и все это вдали, на многіе десятки верстъ, отъ ближайшихъ поддержаній, отдѣленный первокласснымъ хребтомъ. Непосильная работа надорвала передовой отрядъ, и онъ отступилъ, потерявъ все, что пріобрѣлъ. Основная причина неустойки создала ложное стратегическое положеніе, подавляющемъ и неотвратимымъ образомъ сказывавшееся въ стратегическихъ и тактическихъ частностяхъ на каждомъ шагѣ, и хотя, въ отдѣльности, нѣкоторыя частныя усилія и увѣнчиваются успѣхомъ, какъ напр. борьба конницы съ дивизіей Реуфа, сказочный бой ески-загринскаго отряда со всею арміею Сулеймана, форсированные марши стрѣлковъ 4-й бригады, джуранийская побѣда,—но все это не болѣе какъ усилія гиганта, связаннаго по рукамъ и ногамъ: оковы ложнаго стратегическаго положенія парализуютъ эти частныя проявленія силы.

Н. Сухотинъ.